

Артем Кастр

Изгои

Партия - все
Личность - ничто

Артем Кастл

Изгой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29610510

SelfPub; 2018

Аннотация

Мир тоталитаризма. Партия – все, народ – ничто. Личность ничего не значит. Контролируются все действия. Свобода мысли запрещена, а с теми, кто вздумает высказывать свое мнение, беседуют чистильщики...

Предисловие от автора

Идея этой книги пришла ко мне, когда я подрабатывал в одном ресторане быстрого питания. Собственно именно из-за этого основным местом книги стала закусочная. Задолго до написания книги я прочитал удивительную, на мой взгляд, книгу Джорджа Оруэлла «1984». Эта книга стала первой прочитанной мною книгой в жанре Антиутопия, она заставила меня задуматься над многими вещами и в итоге после написания «Изгой» я понял, что книга нашла свой отклик в моем творчестве. Иногда мне кажется, что «Изгой» не родились бы без «1984», более того – некоторые люди, прочитавшие «Изгой» полностью, рецензировали мне, что в тексте прослеживается стиль и тема «1984». Это было сделано мною не намеренно, просто так вышло.

Отмечу, что главный персонаж книги был специально создан в моем воображении, как отщепенец, который пытается доказать обществу, что он хоть что-то да стоит. Он старается удержаться на плаву в том мире, который искренне ненавидит и презирает. Мне предлагали заменить этого персонажа на другого, или хотя бы показать его перерождение: от червя к хищнику. Но я отказался от этой идеи. Для мира, населенного депрессией и страхом этот персонаж подходит идеально. Даже в конце книги он остается тем же червем, просто слегка поднявшим свою голову.

Хочется отметить, что изначально я планировал написать

2 тома в одном, но потом после завершения работы над первым томом и развитием идей над вторым, понял – второй том не нужен. История идеально заканчивается в открытом финале, где любой читатель сам может додумать выбрать идеальную для него концовку. А я оставлю свою концовку при себе...

1

Этот день закончился так же, как заканчивались остальные дни на протяжении последних десяти лет, – серо и убого. Я иду по ночной улице, желая скорей добраться до дома. Так и хочется лечь в кровать, полностью накрыться одеялом и уснуть. Не просыпаться до тех пор, пока не наступит новый, более улучшенный мир. Мир, в котором все будет хорошо. Забавно, но это желание уже давно не покидает мой разум. Еще со школьного периода, просыпаясь утром и подходя к зеркалу, я жалел, что не уснул, попав в кому. Почему-то кома казалась мне спасением от всего того, что происходило со мной в реальности. Казалось, что мир сна – это тот мир, в котором я хочу жить. Он сильно отличается от реальности, потому что в этом мире меня хотя бы считали за человека. Наверное, желание уснуть и не просыпаться появилось у меня в голове как раз тогда, когда у меня были проблемы в школе.

Я учился не так хорошо, как этого хотели мои родители. Ни с кем ни шел на контакт. Точнее со мной никто не шел на контакт. В каждом классе есть такой мальчишка, кото-

рый единогласным решением будет принят за «козла отпущения». Не то чтобы он сам этого хотел, просто за него уже все решили. В моем классе таким был я. Надо мной издевались мои одноклассники, не жалея на меня шуток и приколов. Да что одноклассники, даже мой классный руководитель любил кинуть в мой адрес несколько скабрёзных шуточек, которые сразу же рожали в тихом классе волну неистового смеха.

Моя мама не верила мне или не хотела верить. 6 дней на неделе я должен ходить в это место, и испытывать унижение от тех, с кем мне предстояло еще долго учиться, и от тех, под чьим надзором я должен был учиться.

Это были страшные годы, но, к счастью, все проходит – и хорошее и плохое – вот и мой срок унижения прошел. Я закончил школу и поспешил скорей уйти от всех. Я разорвал контакты с моими одноклассниками, впрочем, они этого и не заметили, а если и заметили, то не подавали виду. Для них я как был изгоем, так им и остался. Они даже удивлялись после того, как у меня начиналась истерика, почему я плачу от их веселых и добрых подколов. Им казалось все это нормальным. Им – но не мне.

Школа так повлияла на меня, что я решил больше никогда и нигде не учиться. Страх попасть в то же окружение, которым меня окружал мой класс, переборол желание учиться. Я пошел работать.

До начала комендантского часа осталось 2 минуты. Нужно

поторопиться, иначе есть возможность встретиться с полицейскими. А эти ребята не любят нарушителей комендантского часа. Если встретишься с ними на улице – недели 2 ходить не сможешь – это точно.

Я уже привык к унижениям, потому что здесь они окружают тебя везде. На работе с тобой общаются как с последним куском дерьма. Ты никто – все только цель, ради которой ты работаешь. Этой целью всегда было продвижение Партии вперед. Партия управляет государством давно. Возможно, до моего рождения было иначе, но, сколько себя помню – Партия правила страной. В школе мы писали хвалебные сочинения в честь Партии за дела, которых она не совершала, но они были записаны в плане, а, значит, не могли быть не выполнены. Весь народ считал Партию светом в конце туннеля, не было ни одной компании, в которой бы не прозвучали слова благодарности Партии. Молодежь, которой присуще легкая анархия, которая может бунтовать, не бунтовала. Вовсю работали отряды юных партийцев. Считалось стыдом и позором, если ты не вступишь в эти отряды. Помимо позора тебя могли посчитать за врага народа и осквернителя партийных ценностей, раз уж ты не хочешь их поддерживать. Я был в таких отрядах. Не отряды, а собрания для промывки мозгов. Каждый раз нам вдалбливали, что Партия работает на нас, что мы должны помогать ей во всем. Надо убить мать – убей. Надо убить себя – убей. Надо отдать детей и свою квартиру – отдай. Никто не знал, что Партия делает с

неугодными, с отступившими. А я знал. Она их стирает. Если Партия решила, что ты можешь быть шпионом или подрывателем ее ценностей, ты уже труп. Пока живой, но труп. За такими приезжают ночью на черных машинах, и больше их никто не видит. Никто не спросит: «А куда подевался Гарри?», потому что через пару дней после исчезновения Гарри, все доказательства его существования будут стерты. Вы даже сами не поверите, как вам могло прийти в голову, что в квартире напротив жил какой-то Гарри, или, что у вас был такой друг. Так Партия работает. Без осечек.

Нужно перейти дорогу и можно пройти сквозь старый парк. Полицейские все равно там не ходят. Но вот дороги смотрят. Право. Вдалеке виден свет фонаря. Они уже начали обход. Нужно торопиться, а то еще подумают, что я подрыватель ценностей, и пиши пропало.

Народ любит полицейских, все их считают работниками на благо народа, но лично я ненавижу этих сволочей. Вся их работа для народа – прикрытие. На самом деле полицейские те еще уроды. Они могут спокойно отправить ни в чем не повинного человека на смерть лишь из-за того, что он им не понравился. Не так кивнул. Попался во время комендантского часа, или, что было самое распространенное – им просто хотелось трахнуть его жену. Такие случаи бывают. Полицейский заходит в квартиру выбранного им человека. Зачитывает ему заранее ложно сформулированное обвинение. Человек же не знает, что против него сфабриковано ложное

дело. Раскаивается. Тогда и начинается шантаж. Муж продает жену ради своей свободы. В большинстве случаев такого не происходит: тогда мужа расстреливают, а жену насилюют. Затем уже и ее отправляют вслед за мужем. А тела отдают чистильщикам. Чистильщики же делают так, что никаких признаков существования покойников не было. Вот вам и схема.

Перешел дорогу. Скрылся в парке. Кажется, полицейские выражают свое отношение к нарушению закона на лице и теле какого-то бедолаги, не успевшего скрыться. Нужно идти быстрее. До дома рукой подать. Не хочется составить бедняге компанию. Практически дошел....

В моей квартире темно. Свет я не привык включать. Обычно сразу же валюсь спать. Но сегодня я не устал. Кажется, готов всю ночь просидеть без сна. Телевизор не включаю. Все равно ничего путного не покажут. Новости не смотрю. СМИ врут. Везде говорят, что страна воюет с иноверцами, но это не так. Никакой войны нет. Ее и не было. Просто Партии нужно поддерживать свое влияние. Вот пару раз она и взрывает жилые кварталы, а потом кого-нибудь выкидывает на суд людской в роли террориста. Интересно, что сам горе-террорист в это верит, и искренне раскаивается. Обычно их вешают на Центральной площади. Толпа наблюдает за последними муками, не понимая, что человек невиновен, что на его месте мог бы быть любой из них.

В этот раз я успел дойти до дома. Но получится ли в сле-

дующий раз проверить тоже самое? Смогу ли я вернуться и не попасться? Может, стоит немного отдохнуть от нервозных прогулок. Я подумаю над этим. Зажигаю свечку, ставлю над столом. Плотно закрываю занавесками окно. На дворе глубокая ночь, и любой источник света может привлечь нежелательных гостей, решивших проверить товарища, которого мучает бессонница, на предмет предательства и антигосударственной деятельности.

Я достаю из ящика большую толстую книгу. Это мой дневник. Книги были не запрещены, наоборот – поощрялись. Но любой, кто решит написать книгу, должен представить ее литературной комиссии на рассмотрение. Если вы хотите написать книгу о реальной действительности в стране, то лучше сами начните копать себе могилу. Литературная комиссия – это государственный орган. Если им не понравится ваша книга, за вами будут следить. И, скорее всего, кончите вы на Центральной площади.

Дневник я заполняю только ночью. Чтобы выложить все, что было со мной за день. В большинстве случаев я просто жалуюсь на свою судьбу. Иногда появляется что-нибудь такое, что могло бы заинтересовать полицейских.

Я ненавижу Партию. Считаю, что она своим режимом правления усугубила дела страны. Мы закрыты от всего мира, никуда не выехать, никуда не въехать. Здесь личность ничто – важна только Партия. Все работают на благо Партии. Считается, что ты должен каждый месяц от своей зарплаты отда-

вать налог не только в пользу государства, но и налог за то, что ты имеешь эту работу. Ведь вместо тебя на этом месте мог бы работать другой. Если учесть, какие цены стоят на продукты, на одежду и все необходимое для человека, неудивительно, что большинство живет за чертой нищеты.

Я один из таких.

Моей зарплаты хватает на то, чтобы отдать налоги и купить пару продуктов, которые нужно растянуть на месяц. На работе я должен выглядеть опрятно. Поэтому я покупаюсь бритвенными станками и растягиваю их. На 7 месяцев 5 станков. Растягиваю чай, на 16 чашек 3 пакетика. Сахар я не ем и не пью. Его у меня нет. А денег на него не хватит. Сахар один из самых дорогих продуктов. Позволить его себе могут только верхушки Партии. Зато бензин дешевый. Но мне это не помогает. Машины у меня нет.

Трогаю щетину. Этим вечером можно не бриться. Но если не побреюсь завтра – схлопочу штраф. Минус что-то из продуктов. У нас любят раскидываться штрафами, ведь они идут в Партию, в руки партийцев. Получается, что я кормлю семью какого-нибудь жирного партийца, который только и рад обглаживать куриные ножки, выкидывая их остатки на дороги бедных улиц, наблюдая как класс бедняков борется за последнее мясо, оставшееся на ножках.

Достаю ручку. Нужно купить чернила. На всякий случай в дневник вшит мини отсек с карандашом. Карандаш куплен

2 года назад и используется только по редким случаям.

Пишу:

Еще один ужасный день жизни прошел. Меня бесит, что не могу поменять работу, что должен вообще на ней появляться. Почему я не могу уволиться? Возможно, потому что это все, что у меня есть. Не будет этой работы, и я останусь на улице. Буду жить у старой свалки, питаюсь и до того скверными отходами, обогреваясь зимой у подожженных баков. Это мне не в радость. Я должен терпеть все унижения, все оскорбления, чтобы не потерять работу. Всю жизнь я терплю оскорбления. Всю жизнь. И всю жизнь я мечтаю о свободе. За что мне, за что мне такое наказание. Многие мои бывшие одноклассники стали успешными людьми, а я как был нищим неудачником, так им и остался. Почему судьба ко мне равнодушна? Почему удача отвернулась от меня? Недавно узнал, что один из моих одноклассников крупная шишка. Живет двумя жизнями. У него есть и семья, и любовница. И жена знает об этом. Слышал, что однажды он привел любовницу домой и заставил жену, которая не так сильно отказывалась от этой развратной затеи, провести ночь с ними. Другой мой одноклассник женился на богатой вдове, и когда она вписала его в компаньоны, он сдал ее. Якобы она продавала

конфиденциальные сведения чужеземным шпионам. Правда, позже забрали его самого. Полицейские посчитали, что, если жена такая, муж может быть таким же. Никаких шпионов не было. Зато было дело с словом «расстрел» в графе приговор.

Женщины.

Обнаженные тела.

Как они все вместе провернули?

Партия не разрешает двойных браков. Но про групповое сношение слов не было. Ему повезло – да. Он счастлив – возможно. Теперь он может иметь сразу 2 женщин, когда я не имею ни одной. Я не помню, когда в последний раз у меня был акт с женщиной, и был ли вообще. Кажется, будто я все еще чист и невинен в этом смысле, когда мои одноклассники грязны и порочны.

Хочу женщину.

Но какая мне даст быть в ней?

Какая женщина согласится провести ночь со мной?

Гулящая?!

Партия разрешала проституцию, но для этого нужно заплатить колоссальную цену проститутке, и заплатить налог на половой акт.

Стоит попробовать и за тобой уже следят.

Стоит попробовать подумать о предательстве и за тобой следят.

Я знаю, ЗА МНОЙ СЛЕДЯТ! Я не показываю виду, что ненавижу партию, но в глубине души я готов встать на амбразуру. Размахивать флагом анархии, развалить эту чертову систему. Но разве что-то выйдет.

Один человек не может ничего против хорошо сформированной системы.

СИСТЕМА

СИСТЕМА

СИСТЕМА

Хватит тратить листы понапрасну. Нынче бумага дорогая. А расписывание на пол листа страницы слова СИСТЕМА ни к чему хорошему не приведет.

Пора спать. Уже скоро рано вставать. Ничего путного я не записал, да и вряд ли бы написал. Уже давно ничего, кроме бреда я не пишу. Я хочу драться, но не предпринимаю ни одной попытки, чтобы подраться. Я живу тихой жизнью: ни друзей, ни родных, ни семьи. Идеальный человек для Партии. И при этом Партию я ненавижу!!!!

Убираю дневник обратно в ящик. Проталкиваю его вглубь. Заворачиваю его в одежду. Если кто-то увидит его, прочтает, меня арестуют. Откуда я все это знаю? Откуда я знаю о партийных делах? О том, как партия избавляется от «шпионов и предателей»? я видел это? Нет. Тогда откуда?

Может, просто на меня не подействовала промывка мозгов по партийным каналам? Возможно. Но я это знаю. А пока я знаю, я враг Партии №1. Скрытый враг, о котором, правда, она, возможно, догадывается. Ищет меня и не находит. Не обращает внимания на скромного работника. И правильно. Больше проживу.

С этими мыслями я ложусь спать. И снится мне, будто меня поймали и пытали. И умереть мне дали только тогда, когда мой организм выработал иммунитет против боли.

2 часа. До моего перерыва осталось 30 минут. Я стою в зале, убираю за пожирающими нашу стряпню посетителями. Я не говорил? Я работаю в одной из ста расположенных по нашему государству закусочных. Эти закусочные были созданы для бедняков. Поэтому над блюдами никто не парился. Не то чтобы здесь подавали не пойми что, но могли быть случаи, когда посетитель получает недоделанное блюдо, либо блюдо, в котором мясо подгорело. Никто, конечно же, не будет жаловаться, а если будет, то доблестные менеджеры превратят потерпевшего в обвиняемого.

– Наша закусочная входит в структуру партийных органов. Вы, «сэр», хотите сказать, что партийный орган вас чем-то обделил или подал вам испорченное блюдо? Вы идете против Партии?

Конечно же, никто против Партии не шел, и чтобы замять

это дело некогда потерпевший покупает одно большое блюдо и платит едовой налог.

История возникновения таких закусовых проста: бедняки не могли ходить в столовые для партийцев, так как цены там были равны месячной зарплате, некоторые бизнесмены решили построить закусовые, в которых готовили не так хорошо, как в партийных столовых, но при этом, чтобы в них бедняки заходили. Сначала Партия была против этого. Но потом в виде жеста доброй и заботливой воли дала добро с условием, что весь едовой налог, а именно налог, уплачиваемый посетителем за возможность поесть в закусовой (ведь человек, чье место он занял, мог бы заказать больше, будь он здесь) и небольшие дивиденды от дохода закусовых переходят в государственную казну. В общем, – в руки партийцев.

Честно скажу: поваров среди нас нет. Для того, чтобы собрать блюдо, большого ума не нужно. Это как конструктор. Берешь булочку. На одну сторону капаешь горчицы, на другую кетчуп. Соединяя булочки, смешиваешь горчицу с кетчупом, и промеж них вставляешь котлетку и нужные топпинги. Затем заворачиваешь в обертку, и вуаля – блюдо готово.

Я вижу все эти радостные лица, семьи, радующиеся возможности поесть здесь, словно они думают, что им оказали высокую честь. Именно им. Наблюдая за всем этим, я отчетливо понимаю, что хочу свалить с этой работы. Хочу, но не могу. Беднякам трудно найти работу. Так что, если бед-

няка увольняют, велика вероятность отправиться в нищенские кварталы. А там жизни вообще никакой. Впрочем, как и здесь.

Ко мне подходит Мэтт. Не то чтобы мы с Мэттом были друзьями, нет, мы просто знакомые, если нас так можно называть. Кроме стабильных «привет», «пока», мы также общаемся и на другие интересующие нас темы. Забавно. В этой харчевне я нашел одного человека, который хоть как-то отличается от этих вечно радующихся всему людей.

– Привет. – сказал он.

– Привет. – ответил я сразу же.

– Спросить хотел, у тебя нет свободного станка? А то мой практически испортился.

– Нет, – соврал я, бритвенные станки у меня были, возможно, был и лишний, но отдавать его я точно не собирался. Они, как чай и сахар, были очень дорогими. – сам со своим вторую неделю хожу.

– Это печально. – молчит – Слышал про Биба?

– А что с ним?

– Переехал с семьей недавно в нищенский район.

– Почему? Он же хорошо работал.

– Зарплату они потратили быстро. Сидели на мели. Вот он и решил украсть пару гамбургеров. Его поймали и уволили, забрав зарплату как штраф. Если бы он потерпел, то получил бы зарплату и премию, он же весь месяц работал прилежно. Лучше всех. Вчера даже отходную делать не стали. Мы скидывались ему на первое время. Для нищенского района хватит, но это только на первое время. А потом...

– Жалко его. Хоть он и дурак.

– Пойду я, а то на нас Эрни смотрит.

Эрни – это наш менеджер. На самом деле он такой же, как и мы с Мэттом. Эрни когда-то работал обычным поваром. Но потом как-то подружился с хозяином закусочной, как-то выбился вперед и стал нашим менеджером. Сначала он был ничего: если надо отпускал, не записывал опоздания, да и вообще – помогал нам. Но потом власть утопила его в себе. Он заносил в «Лист» все промашки, иногда что-то придумывал сам.

«Лист» – это такой некий отчет о работе сотрудника: в него вписываются все заслуги и косяки отдельно взятого

работника. Он был важен для нас. Так как хороший «Лист» — это прибавка в виде премии и хорошая зарплата, плохой — все, но наоборот. У меня был средний «Лист», и я радовался тому, что имею.

Эрни посмотрел на нас. Мэтт вернулся к своей позиции. Я улыбнулся Эрни и поспешил заняться залом. Уносил подносы с обедками. Но одним взглядом я точно заметил, что Эрни склонился над «Листом». Он точно что-то напишет. Ну и плевать. Все равно меня не уволят. От меня идет хоть и не самая высокая, но производительность. Между выбором уволить обычного работника и работника, пашущего на вас без выходных, вы, конечно же, уволите обычного. Я специально в анкете ставил 6/1. 6 дней работаю, 1 отдыхаю. Максимум труда, который может предложить государство для работника. Также я обучен на 3 станции, а это тоже что-то даст. Я могу выходить в любые дни и в любое время. Не спорю о выходных, потому что проводить мне их не с кем. Я точно уверен, из-за «Листа» меня не уволят. Стоит хозяину взглянуть на мое дело и все. Я один могу заменить троих работников. В меня много вложили. И не хочется им, чтобы вложения были напрасными.

Да и я увольняться не собираюсь. По известным уже причинам.

Эрни был той еще сукой. Все отлично помнят ту историю с Анной. Анна была обычным поваром, работала через

2 станций от меня. 25-летняя девушка, обладающая смазливой, но при этом ангельски красивым личиком, светлыми волосами и удивительно голубыми глазами. Она неплохо справлялась с работой. Как мне было известно, у нее был муж. Он, правда, не работал. Эрни заметил Анну. Заметил, обозначает – захотел провести с ней ночь. Он и так и сяк к ней подкатывал, но она всегда его отшивала. За это я стал уважать ее еще больше. Но однажды он пошел на более радикальные методы, подкараулил ее в кладовке, и принялся раздевать, она избежала насилия, выдав ему хорошую затрещину. Эрни собирался ее уволить. Он мог это сделать. Единственным вариантом на спасение оставалась ночь любви с ним. Ей пришлось согласиться на это. ПРИШЛОСЬ. И она сделала ЭТО. Получив то, что хотел, Эрни уволил Анну, написав на нее заявление в полицию, мол, девушка ведет распутную жизнь при живом муже. Такие работники Партии не нужны. В итоге Анне пришлось переехать в нищенские районы. С тех пор я ее не видел и дико себя ненавижу, что не вступился за нее. Мне так хотелось набить морду этому ублюдку. Но вместо этого я должен выслушивать его приказы. Он заставлял меня и многих других выполнять самую черную работу. Если у него падал рожок, он звал (так выходило, что я был ближе всех) меня, чтобы я его поднял и выбросил. И делая это, я оставлял без присмотра картошку, на которой я в основном работал. Приходя на место, я получал нагоняй от Эрни, что картошки нет. Следовательно: мой

«Лист» попорчен. Были и другие ситуации, и везде он выходил чистеньким, а остальные не могли справиться с секундным делом, чтобы не слазить со своими обязанностями.

О, вот мой перерыв.

2

Домой я вернулся до начала комендантского часа. Так что встреча с полицейскими меня могла не волновать. Оказавшись дома, я сразу же занавесил окна, достал дневник и ручку. Бумага заканчивается. Нужно что-нибудь предпринять.

Я сижу перед раскрытым дневником. На столе горит свеча, по которой маленькими каплями стекает воск. Мне хочется как-нибудь излить свою злобу на Партию в письменном виде, но ничего не получается. Словно моя муза покинула меня. Ушла к другому ненавистнику партийных идеологий. Внезапно мне в голову пришла крайне безрассудная мысль: нужно выйти на улицу. Погулять. Быть может, муза вернется ко мне.

Я искренне старался подавить в себе эту мысль. Нельзя идти на улицу, особенно после начала комендантского часа. Но ведь Партия говорит, что мы все свободны, что мы можем делать то, что хотим. Вот я и хочу пойти на улицу. Чувствую, что, если встречу с полицейскими, недели 2 буду писать в больничную утку лежа. Перед тем как выйти из подъезда я

выглянул в окно. Никого нет. Вышел.

На улице прохладно. Я вдыхаю воздух. Мне кажется, что это воздух свободы. Что я свободен. Фонари освещают улицу. Если из поворота выйдут полицейские, мне конец. Решаю сделать круг и домой. Мысли начали приходить мне в голову. Муза вернулась. Нужно было всего лишь подставить себя под удар, и вот она пришла.

Я проходил мимо одного из ничем не примечательных столбов, и вдруг он привлек мое внимание. Я заметил, что что-то прикреплено к нему. Подойдя ближе, я увидел лист. На улице было слишком темно. Буковки были маленькие, и я не мог разобрать, что было написано. Я оторвал лист от столба и побежал домой.

Сердце мое так бешено билось, что мне казалось, будто по нему меня выследит полиция. Я думал, что перебуду всех жильцов моего дома стуком, исходящим из моей груди.

Остановился перед подъездом. Огляделся. Никого. Нырнул в него.

Только дома я почувствовал себя в безопасности. Я сидел на полу, прижимая к груди смятый листок. Он точно чего-то стоит. Днем я его не видел. А если ночью он появляется, а днем исчезает, значит – полиция не хочет, чтобы добропорядочные граждане узнали о содержимом листка.

Я должен его прочитать. Должен изучить содержимое таинственного листка.

Свеча наполовину сгорела. Я раскрываю лист и читаю:

«Граждане, обращаемся мы к вам, чтобы заявить. Все вы свободные люди, вы все имеете право на такой же достаток, какой испытывают люди высших чинов. Партия дурманит ваш разум, она отравляет вашу жизнь и вашу реальность. Вы работаете на нее, не получая взамен, кроме унижений, ничего, восстаньте вместе с нами, пойдите и прогоните Партию! Добудьте себе свободу, которую вы заслуживаете.»

Les misérables.

Les misérables. Так называется эта организация. Я знал. Я знал, что я не один, кто воюет с Партией. Знал, что у меня есть друзья, о которых я раньше не знал. Les misérables мои друзья. У меня с ними одна цель: прекратить деспотизм Партий. Но что, если это и есть Партия? Что, если она расклеивает эти бумажки, чтобы вычислить таких, как я? Я попался на эту уловку.

Но вряд ли.

Партия могла это сделать и днем, чтобы вычислить по-

тенциальных врагов общества. Днем этих бумажек нет. Их жизнь начинается и кончается ночью, пока полицейские не найдут их. Значит, *Les misérables* существует. Я должен с ними встретиться. Должен попасть в их ряды. Тогда я смогу внести туда посильный вклад в борьбу с Партией, чем тот, который я вношу сейчас. Да. Так оно и будет.

Я уснул радостным. Теперь я точно знаю, что моя борьба с Партией не безнадежна. Есть еще люди, желающие принести свободу в общество тупых людей, которых зомбировали с самого рождения, что нужно работать на благо Партий, что Партия все – личность ничто. Вместе с молоком матери мы получали эту информацию, позже все СМИ с помощью графических, звуковых, визуальных волн зомбирования привили нам любовь к Партии, привили нам, что Партия все, «я» – ничто. Я долго рассуждал, почему на меня не подействовала эта волна зомбирования. Может быть, я какой-то особенный. А может быть, просто вырос в одиночестве. Некому было меня зомбировать.

По всему городу прошла весть, будто к нам вторгся шпион. Партия призывает быть бдительными. Он может быть кем угодно. Другом или даже родным. Никто ни с кем не секретничал, все поглядывали друг на друга.

Следили за движениями. Малейшее отклонение и можно было попасть в лапы чистильщиков. Лично мне этого не хотелось. Да и вел я себя, как всегда.

Прежде всего, я сделал вид, будто удивлен этой новостью.

Все знают, что газет я не читаю, телевизор не смотрю, радио не слушаю. Во мне одном слились те три обезьяны, каждая из которых закрывала или глаза, или уши, или рот.

В новостях объявили, что за пойманного шпиона дается вознаграждение, которое не особо то и было нужно. Одним лишь упоминанием о том, что враг Партии на свободе, партийцы смогли привить злобу к бедному шпиону, выискивающему компромат. Ко мне подошел Мэтт. Сегодня мы работали рядом. Я на картошке, он напротив меня.

– Привет.

– Привет.

– Я нашел бритвенный станок.

Я только смотрю на него. Еще вчера он просил его у меня. Что, если Мэтт шпион?

– Нет, нет, – поясняет он – я выменял станок у Кирка на 2 чайных пакетика.

– Ого. Ты же очень сильно любишь чай. Неужели ты так легко смог отдать 2 пакетика?

– Это было нелегко, но мне пришлось это сделать. Знаешь ли, между вариантом: работать без чая и почаяевничать, но отправиться в нищенские кварталы, я выбрал первый вариант.

– Ты силен духом.

– Спасибо. Слыхал, о чем талдычат все эти ненормальные люди?

– Да, шпион.

– Ты в него веришь?

– Да, а ты?

– Конечно. Просто не думаю, что Партия его упустила. Может быть, она специально всем пудрит голову, чтобы шпион на это купился и где-нибудь наследил, не зная, что Партия уже выслала чистильщиков на его след.

– Ты думаешь, такое возможно?

– И да и нет. Трудно говорить, но я склоняюсь, что эта версия может быть живой. Мы же не знаем о том, что творится в головах партийцев.

– Я знаю тебя давно, и ты всегда меня поражал своими открытиями.

– Век живи – век учись. Шпионом может быть кто угодно. Боб. Кирк. Ира. Анастасия. Я. Ты!

Мне показалось, будто он назвал меня шпионом. На момент я и сам в это поверил, не удивлюсь, если мое лицо выдало эту минутную веру в то, что я шпион.

– Не может быть. – говорю я, искренне в это веря.

– Но ведь это может быть и так. Откуда ты знаешь, что ты не шпион? Как ты это докажешь?

– Я не шпион!

– Да ну? Этим громким заявлением сейчас разбрасывается каждый, и партиец, и бедняк. Но ведь кто-то из них врет.

– Но я не шпион.

– У тебя картошка подгорает.

Я возвращаюсь к своей станций, Мэтт к своей.

И вправду. Почему я уверен, что я не шпион. Мэтт посадил во мне семя раздора. Я задумался над его словами. Вытащил картошку из масла, опрокинул ее в ванночку, и начал наполнять ею упаковки.

Я НЕ ШПИОН!

Я НЕ ШПИОН!

Плевать, что я не люблю Партию и хочу от нее избавиться, разрушить строй. Но я не шпион. Я никогда ни за кем не шпионил и не знал, как это делается. Я не гожусь в шпионы. Почему Мэтт остановился на мне и выделил меня из всех. Я почувствовал, с какой интонацией он выделял меня из всех. Из всего этого сброда. Но я не шпион. Ни один сканер и радар, тест этого не докажет. Здесь я чист перед Партией.

А может так оно и есть? Я шпион. Может, я стал им, когда получил сообщение от *Les misérables*? Да нет. Я точно не шпион.

У меня забирают картошку. Ставлю еще. Нужно как-то образумить Мэтта, заставить его поверить, что я не шпион.

– Слушай, – поворачиваюсь я к нему – а почему ты уверен, что ты не шпион. Ведь и ты мог бы им быть.

Он только улыбнулся. Завернул гамбургер, поглядел на меня и отдал его кассиру.

– Потому что шпиона заметили не у моего дома, а рядом с твоим.

Этого я не знал. Значит, скорей всего ищут шпиона, который расклеивал эти бумажки.

– При желаний ты бы смог приехать к моему дому.

– Я живу на другом конце города, если бы я решился на это в комендантский час, меня бы точно поймали полицейские. Не нервничай, я тебя ни в чем не обвиняю.

Он только похлопал меня по плечу и отвернулся к себе. Я же не мог расстаться с мыслью, что рядом с моим домом был шпион. Если бы я вышел минутами раньше, я бы мог его увидеть. Может, он бы сказал мне, как попасть в *Les misérables*.

Эта мысль не покидала меня и дома. Какие-то несколько минут (ну или часов) решили значимую часть моей жизни иначе. Теперь вместо того, чтобы учить секретные пароли, продумывать планы действий я сижу здесь и проклиная себя

за то, что поздно вышел на улицу.

Мой дневник открыт. Он готов впитывать в себя чернильные слова, готов впитывать в себя мои проклятия адресованные судьбе, и вообще всем, кто лишил меня встречи с *Les misérables*.

Слова не приходили в голову.

Мысль не шла.

Я хотел написать проклятия, но они не пришли ко мне. Не взобрались в мою голову, не штурмовали меня. Они просто обошли. Обошли все мои эмоций, не родились словами.

Сажу перед пустой страницей. Что ж, знаю я одно решение. Задуваю свечку. Встаю, иду на улицу.

Все так же темно. Все так же прохладно. Я знаю: возле моего дома будут дежурить. Мимо полиция не пройдет. Возможно, мой адрес известен чистильщикам, и когда они придут по душу мою – сильно удивятся: почему это я не в постельке своей сны вижу, и почему меня вообще дома нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.